

УДК 811.161.1'35+81'36(574)

У. Е. Мусабекова

д-р филол. наук, доц. каф. языковой и общеобразовательной подготовки иностранцев подготовительного фак-та для иностранных граждан КазНУ им. аль-Фараби; директор Центра казахского языка и культуры МГЛУ;
e-mail: u.mussabekova@mail.ru

ОРТОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ОТОНИМИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ КАЗАХСТАНА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

На современном этапе развития языка наблюдается тенденция активизации орфографической деятельности лингвистов. Особую актуальность приобретает кодифицирование новых иноязычных онимов. В статье анализируется ортологическая адаптация отонимических наименований Казахстана.

Ключевые слова: ортология; норма; кодификация; орфография; онимы; отонимы.

Понятие «норма» является в лингвистике одним из фундаментальных. Феномены, соотносимые с ним, весьма многообразны и могут быть охарактеризованы с разных позиций. Сложная, структурно-аксиологическая природа языковой нормы определяла характер практической нормализаторской деятельности филологов Античности, Средневековья, Ренессанса, эпохи Просвещения и продолжает являться предметом научной рефлексии в современных лингвистических исследованиях.

В современной науке общепринятым является понимание нормы как динамического, социально обусловленного и исторически изменчивого явления. Регулярность отклонений от нормативных рекомендаций во многих случаях является показателем формирования новой нормы, отражением тенденций развития языковой системы.

Изучение языковой нормы – одна из самых острых проблем языкознания. «Споры вокруг этого важного социально-исторического и глубоко национального явления давно вышли за пределы узколингвистической проблематики» [9, с. 36]. Вопрос об источниках нормы, о механизмах, задающих норму, ставился уже давно, однако в настоящее время он приобрел особую дискуссионность и остроту.

Природа нормы двусторонняя: с одной стороны, в ней заключены объективные свойства эволюционирующего языка, а с другой – общественные вкусовые оценки. Объективная норма создается на базе конкуренции вариантов языковых знаков. Мы исходим из положения о динамичности нормы, ее подвижности, изменчивости, которые обусловлены, на наш взгляд, противоречием, постепенно возникающим между теми или иными структурными единицами языка в их конкретном проявлении и определенными правилами, регламентирующими функционирование этих структурных единиц в устной и письменной речи. Снятие данного противоречия является одним из основных способов совершенствования нормы.

Для недавнего прошлого наиболее авторитетным источником литературной нормы считалась классическая художественная литература. В настоящее время центр нормообразования переместился в средства массовой информации (телевидение, радио, периодическая печать). По мнению Н. С. Валгиной, «несмотря на то, что язык современных СМИ производит часто негативное впечатление из-за ложно понятого тезиса о свободе слова, надо признать, что современный русский язык в силу сложившихся исторических обстоятельств, сегодня черпает ресурсы для обновления литературной нормы именно здесь – в средствах массовой информации, в разговорной речи, хотя долгое время таким источником была художественная литература... Сменой источников формирования литературной нормы объясняется и утрата нормой прежней жесткости и однозначности. Такое явление в современном языке, как вариативность нормы, – не признак ее расшатывания и потери стабильности, а показатель гибкости и целесообразности, приспособляемости нормы к жизненной ситуации общения» [2, с. 4–5].

В соответствии с этим меняется и языковой вкус эпохи, благодаря чему норма демократизируется.

Норма обладает некоторым набором признаков, которые должны присутствовать в ней в своей совокупности. Так, К. С. Горбачевич выделяет три основных признака: 1) устойчивость нормы, консерватизм; 2) распространенность языкового явления; 3) авторитет источника [3, с. 43–44]. Каждый из признаков по отдельности может присутствовать в том или ином языковом явлении, но этого недостаточно. Чтобы языковое средство было признано нормативным, необходимо сочетание признаков.

Объективная языковая норма складывается стихийно путем выбора наиболее удобного, целесообразного варианта языкового средства, который и становится распространенным, широкоупотребительным. Жестко соблюдаемое правило в этом выборе – соответствие системе языка. Однако такая стихийно сложившаяся норма еще не обязательно будет официально признанной. Нужна кодификация нормы, ее узаконение путем официальных установлений (фиксация в нормативных словарях, сводах правил и т. п.).

Орфографический режим испытывает сегодня огромное давление со стороны современной информационной среды, устроенной таким образом, что возникает зазор между фактической публичностью (предъявленностью) и публичным одобрением (санкционированностью). В этом смысле сознательное влияние на орфографию сегодня не облегчено, а затруднено, что говорит о серьезных изменениях в нормозадающих механизмах в современном обществе, и это создает реальную проблему для нормализационного процесса. Изучение этой проблемы, несомненно, относится к актуальным задачам современной ортологии.

Термин «ортология» применительно к работам нормативного и нормализующего характера закрепился в лингвистической литературе 60-х годах XX века. Понятие «ортология» связано с овладением нормами устного и письменного литературного языка – правилами произношения, ударения, грамматики, словоупотребления и др. В настоящее время наблюдается ослабление аспекта «запрет» и усиление разрешающей (креативной) стороны ортологии. Развивается положение М. В. Панова о том, что в настоящее время усиливается личностное начало, диалогичность, стилистический динамизм, «норма становится не столько системой запретов, сколько выбором языкового средства» [9, с. 15].

Достаточно активное использование в лингвистической литературе последних двух десятилетий термина «ортология» (*ортологическая систематика, ортологическая кодификация, ортологическая интерпретация, ортологический выбор, ортологическая основа, ортологические тенденции, ортологические рекомендации, ортологический анализ, ортологическая процедура, ортологический меморандум, ортологические проблемы* и т. д.), расширение его словообразовательного гнезда, свидетельствуют не только о его чрезвычайной удачности (им можно кратко обозначить все, что имеет отношение к языковым нормам), но и о тенденции выделения самостоятельной лингвистической дисциплины с таким названием.

В современной лингвистической науке описание общей теории ортологии пока еще не нашло своего цельного и непротиворечивого обоснования. Однако основы теории ортологии в науке уже заложены в исследованиях, посвященных понятиям языковой нормы, кодификации, нормализации (С. И. Ожегов, Л. И. Скворцов, А. Едличка, Б. С. Шварцкопф, К. С. Горбачевич, А. И. Горшков, В. А. Ицкович, Л. К. Граудина и др.).

Таким образом, представляется целесообразным выделить самостоятельного раздела ортологии – *директивной ортологии* (от англ. *direction* – предписание, приказ), основанной на интегративной модели «всепроникающего» характера нормы и обуславливающей комплексный ортологический подход в определении нормативной оценки языковых явлений. В этой связи вполне закономерно определение в качестве объекта директивной ортологии теории нормирования новой лексики в период общественных трансформаций. В таком случае предметом директивной ортологии является вариативность новых слов как показатель незавершенности процесса их освоения. Цель директивной ортологии заключается в кодификации новой лексики в системе языка. Данная цель достигается путем решения следующих задач: 1) определение критериев кодификации новых слов; 2) выявление принципов нормализаторской деятельности; 3) изучение кодификационной базы и источников регламентации новых слов; 4) определение лингвистических основ кодификационного инструментария [8, с. 8]. Актуальность изучения директивной ортологии определяется результатами концептуально целостного исследования, посвященного определению ортологических параметров функционирования в русском языке иноязычных по происхождению онимов и образованных от них наименований. Процессы переименования географических объектов Казахстана, изменения ранее употреблявшихся в русском языке казахских онимов в связи с возвращением исторических наименований и устранением транслитерационных искажений, привели к появлению различных конкурирующих и параллельно функционирующих вариантов. Эта ситуация требует соответствующей нормализаторской деятельности на основании четкой ортологической концепции.

Увеличение вариативности языковых единиц как существенного свойства языка наблюдается на всех уровнях языка. В этой связи особенно актуальным становится развитие научного подхода к нормативной оценке новых явлений.

Необходимость изучения отонимической лексики, образованной от казахских онимов, на современном этапе развития русского языка объясняется причинами собственно языковыми (внутренними) – состоянием языка на рубеже XX–XXI вв. – и причинами гносеологическими – состоянием современной лингвистической науки, описывающей и осмысливающей данный процесс. Языковые причины, по которым изучение отонимических единиц, производных от казахских онимов, является актуальным, связаны с их ускоренной адаптацией в русском языке, проявляющейся в заметных передвижениях новых иноязычных слов с периферии лексической системы к центру, в стремительном включении в парадигматику и синтагматику языка. В процессе адаптации в речи нередко могут употребляться несколько формальных разновидностей, или вариантов, иноязычного слова [8].

Грамматический строй языка характеризуется наибольшей сопротивляемостью внедрению вариативности. Все грамматические явления непосредственно связаны с нормой языка и требуют устойчивых правил, определенности. Грамматическая система языка, являясь его определяющей характеристикой, играет ведущую роль в правильном построении речи. Соответственно возрастает и значимость нормы при грамматической адаптации новых языковых единиц.

Несмотря на наличие в русском языке кодифицирующей базы – правил орфографии и нормативных словарей, письменное употребление иноязычных онимов и производных от них отличает максимальная вариативность.

Отонимическая лексика составляет значительный объем в любом языке и в период кардинальных общегосударственных трансформаций наиболее часто подвергается изменениям, свидетельствующим о переходе к новой норме, обусловленным внешними и внутренними причинами динамики языковых норм.

Так, в современной орфографической практике обнаруживается явная непоследовательность в правописании казахских онимических и отонимических наименований на русском языке.

Особое внимание заслуживает дискуссия о том, как должно звучать и писаться название южной столицы Казахстана: *Алма-Ата* или *Алматы*? В СМИ РК этот вопрос освещался как один из трудноразрешимых. Известны случаи судебного разбирательства, когда гражданин республики подал иск в суд, обвиняя газету «Аргументы и Факты. Казахстан» в том, что это издание по-прежнему употребляет название города как

Алма-Ата, а не *Алматы*. При этом, по-мнению истца, данный факт имел политическую окраску, выражающуюся в «непризнании казахской государственности, в неуважении и пренебрежении казахами». Тогда за основу судебного решения было принято заключение лингвистической экспертизы Института языкознания им. А. Байтурсынова Министерства образования и науки Республики Казахстан: «Предполагаемые нормы правописания и произношения топонимов в неофициальных отношениях являются «нормами пожелания», т. е. не императивными. Употребление видоизмененных названий топонимов Алматы – Алма-Ата, Баки – Баку, Рома – Рим, Москва – Москеу, Россия – Ресей не являются незаконными и относятся к нормам этики и культуры»¹.

Тем не менее, суд удовлетворил беспрецедентный иск в отношении газеты «Аргументы и факты. Казахстан» и обязал редакцию газеты «АиФ. Казахстан» отныне соблюдать написание города как *Алматы*.

Казахстанский лингвист Р. Карымсакова на страницах газеты «Известия» попыталась проанализировать происхождение всех исторических названий южной столицы Казахстана. Она отмечает: «Чтобы прояснить этимологию слова «Алматы», нужно сравнить все три названия, которые существовали. В исторических памятниках упоминается название средневековых поселений: Алмалык, Алмату, на старинной монете XIII века отчеканено слово «Алматы». Так вот, исходя из материалов сравнительных исторических грамматик тюркских языков, можно сделать следующее предположение. В древнетюркском языке слово «алмалык» было относительным прилагательным, и образовано оно было от существительного «алма» при помощи аффикса «лык». Этот аффикс является показателем собирательной множественности. Следовательно, слово «алмалык» можно перевести как «яблочное место», или «место, где много яблок». В современном казахском языке это прилагательное используется с аффиксом «лы» – Алмалы. Конечная буква «к» со временем утерялась. Поэтому сегодня прилагательные звучат так: «алмалы жер», «алмалы бак» – «яблочный сад». «Алматы» – это вариант тех же относительных прилагательных» (*Известия-Казахстан*, 03.11.2004).

Таким образом, очевидным является факт искажения исторического названия города *Алматы* как *Алма-Ата* (1921–1993), долгое время представляемое как русский вариант казахского названия Алматы с бессмысленным переводом «Яблоко-Дед».

¹ Цит. по: [6, с. 17].

В русском языке слово *Алматы* становится несклоняемым существительным и по правилам русского языка лишается форм словоизменения, что, конечно, очень неудобно для употребления в устной и письменной речи. В этой связи, возникают определенные трудности в согласовании: *первый Алматы* или *первая Алматы*; *красивый Алматы* или *красивая Алматы*.

С этой точки зрения интересна статья Абая Турсынова «Мой наклонный город», в которой автор употребляет сразу несколько вариантов наименования:

*Алма-Ата и алмаатинцы пережили за эти десять лет многое*¹ (*Континент*, № 16 (54), 29.08. – 11.09.2001).

Одним словом – «*настоящие алмаТЫнцы*», для которых старые названия – это не детство или юность и даже не студенческие годы или лаконичная строка в славной трудовой биографии, а просто таблички на домах (*Континент*, № 16 (54), 29.08. – 11.09.2001).

В начале 90-х они появлялись в самых разных сферах нашей жизни: первый «Макдональдс» *по-алмаатински* – «Шыгыска» господина Тельбоне, первый видеосалон или первый лимузин (*Континент*, № 16 (54), 29.08. – 11.09.2001).

Для кого-то *Алматы* сегодня и всегда – это по-настоящему красивые *алма-атинские* девушки и женщины (*Континент*, № 16 (54), 29.08. – 11.09.2001).

А вы приходите на ставший уже хорошей традицией фестиваль «*Алматы – моя первая любовь*» (*Континент*, № 16 (54), 29.08. – 11.09.2001).

Естественно, возникает вопрос: есть ли какой-либо нормативный источник о написании названия южной столицы Казахстана? Как показывают источники, существует несколько документов, касающихся переименования названий города Алматы:

Алма-Ата – Декрет ЦИК Туркестанской АССР от 14/03/1921, согласно которому г. Верный переименован в г. Алма-Ату.

Алматы – Указ Президента Республики Казахстан от 15 сентября 1995 г. N 2457 – «... столицей Республики Казахстан является город Алматы».

Еще один дискуссионный момент, насколько правомерно употребление российскими газетами прежнего названия *Алма-Ата*, а не

¹Зд. и далее выделено нами. – У. М.

Алматы? Например, имена собственные, образованные от существительных, прилагательные из казахского языка в русском – передаются средствами русского языка. Так, в русскоязычных газетах Казахстана, к примеру, используется форма *алматинский* от *Алматы*, в российском издании газеты «Известия»: *Алма-Ата* и *алмаатинский*. Ошибки в употреблении отонимических наименований Казахстана в российских СМИ и в речевой практике россиян объясняются, прежде всего, неразличением внутренней формы отонимов. Вместе с тем, нельзя исключать и некоторую долю ностальгии по старому названию *Алма-Ата*, которое кажется более благозвучным для носителя русского языка (станция метро в Москве *Алма-Атинская*).

В связи с отсутствием нормативно-правовой базы о наименовании города *Алма-Ата* в 1995 году в России было опубликовано Распоряжение Администрации президента Российской Федерации № 1495 от 17 августа 1995 года «О написании названий государств – бывших республик СССР и их столиц», в соответствии с которым в служебной переписке и официальных переговорах представители Российской Федерации именовали столицу Казахстана *Алма-Ата*. Несмотря на то, что в связи с переводом столицы Республики Казахстан в город Акмола (10 декабря 1997 года) и последующим переименованием Акмолы в Астану (6 мая 1998 года) распоряжение Администрации Президента Российской Федерации № 1495 от 17 августа 1995 года устарело, в России город по-прежнему называют *Алма-Ата*. При этом рекомендовалось учитывать при необходимости пожелания контрагентов по написанию упомянутых названий [6], т. е. по законодательству Российской Федерации использование названия *Алматы* в русском языке разрешено, если контрагент, в данном случае государство Казахстан, того пожелает.

При этом нужно отметить, что еще в 1941 году в казахском языке закрепилось официальное написание *Алматы*. Казахстанские лингвисты не раз поднимали вопрос о допускаемых искажениях в русском языке казахских наименований. В соответствии с чем была выработана ст. 19 Закона «О языках в Республике Казахстан» от 11.07.1997 № 151-І – «Традиционные, исторически сложившиеся казахские названия населенных пунктов, улиц, площадей, а также других физико-географических объектов на других языках должны воспроизводиться согласно правилам транслитерации».

Как известно, основным источником правописания принято считать словари. В настоящее время отмечается ряд противоречий,

касающихся правописания отонимической лексики в справочниках русского языка. Так, например, в словаре Ф. Л. Агеевко «Собственные имена в русском языке. Словарь ударений» [1] зафиксированы два наименования *Алма-Ата* и *Алма-Аты*, но отсутствует принятое в Казахстане официальное название *Алматы*.

Авторы словаря «Русские названия жителей: Словарь-справочник» И. Л. Городецкая, Е. А. Левашов [4] предлагают 186 статей по географическим названиям Казахстана. При этом авторы признают, что в связи с произошедшими переименованиями многих географических объектов, происходившими в последние годы в бывших союзных республиках СССР, возникла проблема отражения этого процесса в русском языке, в частности при составлении данного словаря. Авторы словаря разделяют позицию Института русского языка РАН, заключающуюся в том, что иноязычные географические названия, устоявшиеся в русском языке, не должны заново и обязательно подгоняться под их произношение в языках источниках (типа *Алма-Ата – Алматы*, *Бельцы – Бэлць*, *Таллин – Таллинн*). «Вместе с тем и уклоняться от признания таких (как правило, фонетических) изменений было бы неуважительно по отношению к носителям национального языка, которые в своей массе двуязычны, и к русским жителям (их многие миллионы) национальных образований, по необходимости принимающим географические имена в местном произношении» [4, с. 11]. Составители словаря предлагают рассматривать подобные парные названия как равноупотребительные, из чего вытекает, что их производные также равноупотребительны. На наш взгляд, помета *местное употребление*, вносимая авторами, требует уточнения, поскольку носит узуальный характер. Приведем полную статью:

Алма-Ата (местн. = Алматы) г. (Казахстан), см. также **Верный**

Алмаатинцы, -цев; **Алмаатинец**, -нца;

Алмаатинка, -и, мн. р. -нок, д. -нкам. От Алма-Аты до Ташкента проходит большая дорога. «Ташкентская аллея», – говорят алмаатинцы (Ю. Домбровский. *Хранитель древностей*). Я – коренной алмаатинец (Неделя, 1988, 48). Команда ... вышла в финал, где ей предстояла встреча с алмаатинками (Путь к коммунизму. Актюбинск, 8 авг. 1987).

Алматы
(местн. = Алма-Ата) г. (Казахстан)
Алмаатинцы, -цев;
Алмаатинец, -нца;

Словарь также регистрирует случаи полного изменения названия. Так наряду со старыми названиями в словаре встречаются и новые: *Целиноград – Акмола – Астана, Гурьев – Атырау, Шевченко – Актау, Алма-Ата – Алматы, Джамбул – Тараз.*

Тем не менее, не все переименования вошли в словарь, а также есть различия в написании принятого в Казахстане названия и зафиксированного варианта в словаре.

Большинство переименованных названий городов Казахстана представлено несклоняемыми онимами. С точки зрения точности обозначения несклоняемые формы остаются более удобными, поэтому в профессиональной речи географов и военных названия во всех падежах сохраняют неизменяемую форму.

Признание скрытой парадигмы несклоняемых имен, вероятно, обусловлено их потенциальной возможностью словоизменения, что входило бы в противоречие с нормами русского литературного языка. Поэтому ни одна грамматика не выделяла и не выделяет особой морфологической подсистемы иноязычных слов, подразумевая, что и для исконно русских, и для заимствованных лексических единиц существует один и тот же механизм словоизменения. Несклоняемые имена воспринимаются большинством носителей языка как содержащие корневые морфемы, не свойственные русскому языку, поэтому они не включены ни в одну из существующих в нем парадигм.

Однако нормированность / ненормированность несклоняемых слов зависит от известности их толкования и речевой популярности. Оказываясь за пределами литературной нормы, они могут изменяться через мену флексий. Таким образом, прослеживается становление нормы для правописания отонимических наименований с точки зрения норм современного русского языка, а выявленные грамматические и ортологические предпочтения определяют методические перспективы их изучения.

Современная орфографическая ситуация характеризуется увеличением вариативности, особенно это относится к орфографии новых в языке слов. Также в настоящее время наметилось преодоление существующей в русском языке искусственной цепочки «словарь – словарь – словарь», когда вновь издававшиеся словари ориентировались только на орфографию словаря предшествующего и абсолютно не учитывали того нового, что накопилось в орфографической практике: она постепенно сменяется естественной цепочкой «язык – словарь – язык», при которой

«явление (слово) извлекается из живого языка, оттуда попадает в словарь, чтобы в «ограниченном» виде вернуться опять в язык» [5, с. 197].

Отсутствие единых орфографических справочников, учитывающих корректировки правописания онимов и отонимов, вводимые директивными документами одного государства, но не учитываемые другим государством, создает значительные сложности при все более увеличивающейся мобильности современного общества.

Наличие общеобязательного свода правил правописания – один из признаков культурного здоровья общества. При этом не надо забывать и о том, что правописание – это отнюдь не только результат нормализаторских усилий, система раз и навсегда установленных правил, это и саморазвивающаяся система, требующая регулярной и систематической корректировки, упорядочения с учетом существующей практики письма на основе отслеживания спонтанно происходящих в нем изменений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеенко Ф. Л. Собственные имена в русском языке. Словарь ударений. – М. : НЦ ЭНАС, 2001. – 375 с.
2. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. – М. : Логос, 2003. – 304 с.
3. Горбачевич К. С. Вариантность слова и языковая норма: На материале современного русского языка. – М. : ЛИБРОКОМ, 2009. – 240 с.
4. Городецкая И. Л., Левашов Е. А. Русские названия жителей: Словарь-справочник. – М. : Русские словари : Астрель : АСТ, 2003. – 363 с.
5. Калакуцкая Л. П. Русский литературный язык в конце второго тысячелетия // Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения академика В. В. Виноградова). – М. : Наука, 1995. – С. 197–208.
6. Краткий справочник по оформлению актов Федеральных органов государственной власти. – М., 1997. – 144 с.
7. Мироглов Ф. В. Информационно-аналитический обзор о положении русских соотечественников в Казахстане. – Алма-Ата : Русский обозреватель, 2005. – С. 17.
8. Мусабекова У. Е. Теория и практика ортологии: грамматические основы отонимических наименований : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Кокшетау, 2010. – 38 с.
9. Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. – М. : Наука, 1990. – 453 с.
10. Ризель Э. Г. К определению понятия и термина «стилевая черта» // Филологические науки. – 1978. – № 4. – С. 79.

УДК 811.531'373.42

Е. А. Похолкова

канд. филол. наук, доц. каф. восточных языков
переводческого фак-та МГЛУ;
e-mail: slrotina_e79@mail. ru

ИГРА СЛОВ, КАЛАМБУР, ПАРОНОМАЗИЯ В КОРЕЙСКОЙ ЗАГАДКЕ

В статье предпринята попытка выявить специфику корейской загадки как языкового явления, определить особенности ее семантической структуры и коммуникативный аспект. В работе особый акцент сделан на каламбур и игру слов, которые в своей основе имеют полисемические корреляции, омонимию, преднамеренную паронوماзию, расщепление фразеологизмов на дословные элементы и пр.

Ключевые слова: корейская загадка; паремия; каламбур; паронوماзия; омонимия; игра слов.

Загадка — это сверхфразовая паремия, представленная в диалогической форме. Изучение загадки относится как к области лингвистики, так и фольклористике, что позволяет говорить о загадке как о языковом, так и о внеязыковом явлении. В работе выявляется специфика современной корейской загадки, определяются особенности ее семантической и коммуникативной структуры. В ходе работы был обработан корпус корейских загадок и проанализирована их семантическая и структурная составляющая с акцентом на каламбур и игру слов, которые в своей основе имеет полисемические корреляции, омонимию, преднамеренную паронوماзию, расщепление фразеологизмов на дословные элементы и т. п.

На протяжении истории функции загадки были различными. В языках разных народов на первое место выдвигаются разные ее аспекты: кто-то усматривает в ней поучительный элемент, для кого-то загадка — развлечение, игра, которые содержат замысловатое описание предмета или явления окружающей действительности.

Нельзя однозначно утверждать, что в загадке игровой элемент уступает место дидактическому или наоборот, потому как оба тесно вплетены в семантику загадки. Функции загадок менялись в процессе исторического развития общества, однако, внутренние механизмы